

Персонаж «Мудрость» в пьесах школьных театров

Дворянова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Северо-Восточный государственный университет

Аннотация. В статье дается характеристика образа Мудрости в русских пьесах первой четверти XVIII в. Рассматриваются функции названного персонажа и особенности его наименования.

Ключевые слова: аллегория, античный персонаж, Мудрость, Паллада, Петр I, пьесы школьного театра, школьный театр.

Школьный театр XVIII в. выполнял важную функцию — пропаганду идей и достижений Петра I. Среди персонажей школьных театров, которые способствовали исполнению пропагандистской функции, мы можем назвать образ Мудрости. Словарь академии Российской слово *Мудрость* толкует как «...познание, сведение о вещах» [8, т. 4, ст. 314]. В Словаре современного русского литературного языка *Мудрость* означает «свойство и качество мудрого; обширность, глубина познания» [9, т. 6, ст. 1338].

В европейской традиции Мудрость обычно «персонифицируется Минервой, что — в доспехах с мечом, шлемом и щитом...» [12, с. 377]. Сама «Минерва была отождествлена с Афиной, что сообщила ей черты богини мудрости, войны и городов» [4, т. 2, с. 152]. Как известно, Афина Паллада — «в греческой мифологии богиня мудрости и справедливой войны» [4, т. 1, с. 125]. Один раз в пьесе «Слава печальная» *Паллада* называет себя *Минервой*: «*Палляда величаюсь, Минерва богиня, / мудрости всех учю, глупость всю откиня*» [5, с. 289]. Паллада как одно из имен Афины является напоминанием о том чудесном случае, когда ее изображение (палладий) упало с неба (считается, что это изображение было вырезано самой Афиной в память о своей подруге — Палладе) [4, т. 1, с. 126; 6, с. 974].

Наименование этого образа отличается вариативностью. Для петровской эпохи в условиях сильнейшего западноевропейского влияния лексическая вариативность была очень распространенным явлением. Это явление было характерно для различных ономастических систем, например, для названий кораблей. Так, Т. А. Исаева пишет: «Многие суда Петровской эпохи имели два наименования: русское название и его «перевод» на один из западно-европейских языков...» [2, с. 83].

Аналогичную вариативность мы можем видеть в именах *Prudentia*, *Pallas*, *Паллада* (*Палляда*), *Палляс*, *Минерва*, *Мудрость*, *Премудрость* и *Разсуждение* (здесь используем орфографию источника [5]). С одной стороны, речь идет о заимствованиях из латинского языка, имеющих разную степень освоения русским языком (*Prudentia*, *Pallas*, *Паллада* (*Палляда*), *Палляс*, *Минерва*). Некоторые из данных имен являются в свою очередь заимствованиями из греческого в латинский язык. С другой стороны, их русские эквиваленты — это церковнославянские по происхождению слова (*Мудрость*, *Премудрость* и *Разсуждение*), некоторые из них (*Мудрость*, *Премудрость*) в свою очередь в русской книжной традиции являются кальками греческой лексемы σοφία. Отметим, что интересующий нас образ во всех своих ономастических проявлениях является второстепенным персонажем.

В пьесе «Слава Российская» встречаются одновременно два имени: *Prudentia* и *Мудрость*. Эти имена используются одновременно, являются дублетными. Отметим, что латинская лексема *Prudentia* переводится как 'знание, предвидение', 'наука', 'благо-разумие, рассудительность' [1, с. 830]. *Разсуждение* в пьесе «Слава Российская» вместе с остальными персонажами превозносит Добродетель Российскую, которая представляет Екатерину I на сцене: «*Совет благий на бранех мудре подавала / И никогда Россию ты не оставляла: / Веселися убо днесь, почивши от дела, / На время свободимся от бранна предела*» [5, с. 276].

Персонаж *Паллада* встречается в пьесах «Слава Российская» (*Палляс*) и «Слава печальная» (*Палляда*). Отметим, что имя *Мудрость* можно обнаружить в начале пьесы «Слава Российская» с латинской подписью *Pallas*, данная подпись в тексте пьесы в дальнейшем сопровождает имя *Паллада*. Здесь *Мудрость* и *Паллада* — различные имена одного и того же персонажа, который в первый раз назван русским именем, а после — заимствованным наименованием. Античный персонаж мог становится на место аллегорической фигуры. Л. А. Софронова пишет: «В идеале античный персонаж, замещающий аллегорию и сама аллегория имели однородные значения» [10, с. 185]. Так *Мудрость* могла стать *Палладой*.

Интересующий нас образ под именем *Паллада* является спутником — особой разновидностью второстепенных персонажей, которые в пьесах следуют за главным героем и «дополняют» его имя необходимыми семантическими элементами (внимание зрителя акцентируется на том, что главный герой (=Петр I) — мудрый правитель). Другим примером спутника является персонаж Победа, который встречается в пьесе «Страшное изображение второго пришествия», здесь у имени главного героя (Петра I) появляется значение «победитель» [7].

Паллада в названных пьесах вместе с *Марсом* и *Нептуном* сопровождает *Россию*. Она обещает ей процветание образования: «*Аз же ученми буду тебе расширять, / Юношество в сих будет себе утверждати; / Посрамятся все твои враждебницы злии, / Егда процветут многи науки в России*» [5, с. 262]. Как видим, античные персонажи в пьесах должны были делать акцент на достижениях Петра I как царя-реформатора.

Отметим, что *Мудрость* входит в число «основных» добродетелей в европейской традиции. Дж. Холл в «Словаре сюжетов и символов искусства» сообщает: «Канон основных христианских добродетелей состоял из трех «теологических добродетелей» (веры, надежды, любви) и четырех «главных

добродетелей» (справедливости, благоразумия, храбрости и умеренности)» [12, с. 215]. Благоразумие — фигура, которую иногда заменяет Мудрость в циклах добродетелей [12, с. 377]. Отметим, что в пьесах школьных театров интересующий нас образ имя *Благоразумие* не носит.

В пьесах «Слава Российская», «Слава печальная» и «Страшное изображение второго пришествия» можно встретить персонаж с именем *Премудрость*. Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.) дает следующее толкование: «Премудрость — великая мудрость» [8, т. 4, ст. 317]. В Словаре современного русского литературного языка (1950–1965 гг.) слово Премудрость указано с пометой *устаревшее*: «Премудрость (устар.) — глубокая, величайшая мудрость» [9, т. 11, ст. 241]. Отметим, что имеющаяся в существительном *Премудрость* приставка *пре-*, которая привносит в слово значение «очень высокой или чрезмерной степени проявления признака», в современном русском языке более характерна для прилагательных, например: «милый — премилый» [3, с. 95].

В «Славе печальной», написанной на смерть Петра I, *Премудрость* скорбит вместе с другими персонажами и указывает на мудрость царя при жизни: «*Бысть премудр и искусен Петр сей превелики, / премудрости учении произвел колики...*» [5, с. 306].

В пьесе «Страшное изображение...» в ремарке *Премудрость* указана с определением «*божия*». Стоит отметить, что для Афины-Паллады «характерна мудрость в государственных делах» [4, т. 1, с. 128]. Использование рядом с именем этого персонажа прилагательного «*божия*» указывает на то, что реформаторская деятельность Петра I, его военные успехи, безусловно, соответствуют божественной

мудрости, воле, предвидению. Употребление данного прилагательного соответствует эпохе барокко, для которого характерно смешение античных и христианских мотивов и образов. Л. А. Сафронова пишет: «Сблизить светское с сакральным — одна из самых смелых операций, которую проводили драматурги в эпоху барокко» [10, с. 177]. Другим примером подобного соединения является персонаж *Марс православный*, который встречается в пьесе «Ревность православия». Здесь имя античного божества употребляется с эпитетом «православный». Пьеса «Страшное изображение...» выполняла как пропагандистскую, так и нравственно-поучительную функцию. Так, в своей речи *Премудрость* говорит о том, что собирается судить врагов и грешных: «*Аз приидох во мир суд творити правый, / да восприимет суд, злая соделавый. / Судити приидох, иногда сужденный, / воздам месть врагом, враги умерщвленный*» [5, с. 116].

Отметим, что Петр I был известен своим неоднозначным отношением к церкви. Царь пытался ослабить влияние церкви на свою власть. Для этого, например, был создан Всешутейший собор. По словам Б. А. Успенского, задача данного «собора» — «дискредитация духовной власти и борьба с традиционным почитанием, которым эта власть пользовалась в России» [11, с. 259]. Однако в пьесах Петр I часто изображается не только как сильный и мудрый правитель, но и как защитник церкви и православия.

Таким образом, интересующий нас образ предстает под различными именами, что отражает языковую ситуацию петровской эпохи и особенности функционирования этого персонажа в европейской традиции.

Литература:

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 10-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. Медиа, 2006. — 843 с.
2. Исаева Т. А. Названия кораблей в Петровскую эпоху // Русская речь. 1976. № 4. — С. 79–85.
3. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М. : Рус. Яз., 1989. — 639 с.
4. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003.
5. Пьесы школьных театров Москвы / под ред. А. С. Демина. М. : Наука, 1974. — 584 с.
6. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб. : Издание общества классической филологии и педагогики, 1885. — 1552 с.
7. Семенов А. И., Дворянова А. А. Аллегорические имена в пьесах школьных театров (Победа / Виктория) // Филологический аспект. 2017. № 10 (30). — С. 23–31. URL : <http://scipress.ru/philology/articles/allegoricheskie-imena-v-pesakh-sholnykh-teatrov-pobeda-/viktoriya.html> (дата обращения : 21.04.2019).
8. Словарь академии Российской : в 6 т. СПб., 1789–1794.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М., Л. : Наука, 1950–1965.
10. Сафронова Л. А. Культура сквозь призму поэтики. М. : Языки славянских культур, 2006. — 832 с.
11. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996–1997. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 1996. — 608 с.
12. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. А. Майкапара. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. — 655 с.